УДК 82

«ОЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННЫЕ КНИГИ» (О ТРАДИЦИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И М. ГОРЬКОГО В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «САНЬКЯ»)

© 2008 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

olsios@mail.ru

Поступила в редакцию 11.08.2008

Рассматриваются образ главного героя и философско-этическая проблематика романа Захара Прилепина «Санькя». Проводятся параллели с творческим наследием М. Горького и Ф.М. Достоевского, выявляется взаимосвязь произведений этих трех писателей на уровне характерологии и проблематики.

Ключевые слова: Прилепин, Горький, Достоевский, философско-этическая проблематика, «Мать», Раскольников, великий инквизитор, «Санькя».

Роман Захара Прилепина «Санькя» вышел в свет в 2006 году, и с тех пор редкая рецензия на него обходится без упоминания о романе М. Горького «Мать», опубликованном на сто лет ранее. Эти произведения связывают, например, П. Басинский [1], Л. Данилкин [2], С. Костырко [3] и многие другие критики и журналисты, правда, они обычно ограничиваются лишь тезисом об идеологической близости этих романов, а не проводят их литературоведческого анализа.

Действительно, когда читаешь «Саньку», возникает впечатление, что перед тобой роман «Сын» – продолжение романа «Мать» спустя сто лет. В произведениях Горького и Прилепина можно отметить прямые текстуальные совпадения. Например, Ниловна думает о Павле: «Он не сделает ничего худого, он не может!» [4, с. 31]. Теми же словами передаются мысли матери Саши Тишина: «Мать думала: «Он не сделает ничего худого, он не может…»» [5, с. 212]. Павел Власов говорит Ниловне о своих единомышленниках: «Это лучшие люди на земле!» [4, с. 17]. Саша Тишин того же мнения о собственных товарищах: «Это лучшие люди на земле», – сказал Саша себе давным давно и закрыл тему» [5, с. 148]. Кроме того, в этих произведениях заметно даже сходство авторской пунктуации – частое и синтаксически не мотивированное использование тире, подчеркивающее экспрессивность конструкции или логику мысли.

Два романа объединены и сюжетной ситуацией: изображается борьба героев с действующей властью, их обречённость на страдания или даже гибель. Есть и сходство отдельных эпизодов: в оба произведения включены сцены расправы власть имущих с революционерами и, наоборот, расправы революционеров с политическими противниками; сходны финалы, где люди, обречённые на арест или гибель, полны решимости пройти свой путь до конца.

Существенно также сходство в описании той обстановки, в которой живут герои и которая пробуждает в их душах чувство протеста, желание изменить жизнь. Горький изображает слободку, где «грязь чмокала под ногами» [4, с. 5], Прилепин показывает деревню, где «ноги расползались по грязи» [5, с. 34]. В горьковской слободке – тупое и бессмысленное существование людей в работе, пьянстве и сне, здесь каждый день «бесполезно вычеркнут из жизни» и воспринимается лишь как «шаг к могиле» [4, с. 5]. В прилепинской деревне – ветхость, убожество и люди, которые медленно умирают, просто устав жить. Разница (причём ужасающая) только в том, что в «Матери» жизнь слободки воспринимается как некий круговорот событий, происходящих сначала со старшим поколением, потом с детьми и внуками, а в «Саньке» жизнь деревни производит впечатление даже не круговорота, а необратимой дороги к смерти: старожилы постепенно угасают, а молодого поколения здесь просто нет.

Наряду с рассмотренными выше параллелями, которые сразу бросаются в глаза, существуют и более глубокие сходства двух текстов – на уровне характерологии и философско-этической проблематики (а последняя порождает ассоциации ещё и с произведениями Достоевского, о чём пойдет речь ниже).

В романе М. Горького «Мать» показаны различные психологические типы революционеров: рационалистичный и жёсткий Павел Власов, эмоциональный и чувствительный Андрей Находка, мрачный и злой на жизнь Николай Весовщиков. Именно от последнего, пожалуй, больше всего «унаследовали» герои З. Прилепина, даже Саша Тишин, который представлен наиболее разумным и наименее злым по сравнению с другими, например, с Олегом. В горьковском романе изображён табельщик Исай Горбов, добровольный агент жандармерии, доносчик; все революционеры относятся к нему с отвращением, но именно Весовщиков открыто и без сомнений говорит, что его надо убить: «Я так полагаю, что некоторых людей надо убивать <…> Исаю Горбову я башку оторву, – увидишь!» [4, с. 95]. В романе З. Прилепина показан латвийский судья, который выносит незаконный и циничный в своей жестокости приговор одному из «союзников» – Негативу, а также многим ветеранам Великой Отечественной войны. Именно Саша Тишин предлагает этого судью убить: «“Его ведь убить надо”, – сказал Саша устало… Когда Саша произнёс слово “убить”, Матвей остановился на нём взглядом, словно взвешивая, насколько серьёзно это было сказано. Саша поймал взгляд, и понял его, и спокойно посмотрел Матвею в глаза. “Да, Матвей”, – сказал он» [5, с. 209]. В «Матери» Исай Горбов действительно убит, но не Весовщиковым, а другим героем, Николай же вполне одобряет это и даже как будто жалеет, что его опередили: считает, что это было дело, подходящее именно для него: «А я всё собирался сам его задавить. Моё это дело – самое подходящее мне!» [4, с. 130]. В «Саньке» Саша Тишин отправляется в Ригу, чтобы убить судью, но на его глазах это делает кто-то другой. По поводу данного эпизода критик Лидия Сычёва пришла к выводу, что герой «весьма переживает перед убийством латвийского судьи и, в общем-то рад, что ему не приходится это делать» [6, с. 9]. С первой частью этого утверждения не будем спорить (о нравственных страданиях героя речь пойдёт в дальнейшем), а что касается радости Саши Тишина, вызванной тем, что не пришлось совершать убийство, то текст романа свидетельствует об обратном: «Ты думаешь, я скажу: «Спасибо, Господи»? – спросил он вслух, глядя куда-то за окно. – Не скажу. Зачем, Господи, отнял это? Я возьму в другом месте» [5, с. 252]. И Николай Весовщиков, и Саша Тишин ненавидят мир социальной несправедливости и стремятся к активному действию, чтобы бросить вызов этому миру, оба готовы к самому тяжёлому делу и даже жаждут его. Психологическое сходство героев и в том, что оба, по сути, чувствуют себя безотцовщиной: у Весовщикова острый конфликт с отцом, а Саша Тишин всегда жил как будто отдельно от отца, хотя они не конфликтовали. Объединяет этих героев и то, что в них эпизодически проявляется стремление осмыслить собственный характер, посмотреть на себя со стороны, поэтому с их образами связан мотив зеркала. Николай Весовщиков, глядя на своё отражение, говорит, что у него «скверная рожа», и это наводит его на размышления, так как он вспоминает слова Сашеньки о том, что «лицо – зеркало души» [4, с. 97]. В романе З. Прилепина есть несколько эпизодов, в которых Саша Тишин смотрит на собственное отражение в зеркале или в окне поезда и видит «обычное лицо» [5, с. 30], но есть и эпизод, где Саша пытается понять себя, как будто разглядеть в воображаемом зеркале собственную душу: «Дурной? Добрый? Надёжный? Безнадёжный? Не было такого зеркальца, чтобы разглядеть своё отражение <…> Саша перебирал себя, тасовал осколки зеркала» [5, с. 113–114]. Для обоих героев рефлексия, в общем-то, мало характерна, но в то же время и М. Горький, и З. Прилепин показывают, что даже самый деятельный человек без рефлексии не обходится, когда в его судьбе намечается определенный перелом, когда политическая борьба требует от него решительных действий, сопряжённых с вызовом обычным нормам жизни.

Негатив – ещё один герой «Саньки», напоминающий горьковского Весовщикова. В нём – всё та же злость, жёсткость, стремление бросить вызов всему миру, «всю жизнь перепахать, как сорное поле, – без пощады» [4, с. 102]. В то же время Негатива и Весовщикова объединяет некая духовная противоречивость – способность одновременно любить всё живое и ненавидеть людей, общество, государство. Находка говорит о Весовщикове: «Он добрый, Николай, – собак любит, мышей и всякую тварь, а людей – не любит!» [4, с. 81]. Саша Тишин, входя в комнату Негатива, видит, как тот поливает цветы: «Саша знал о любви мрачного Негатива к цветам, но всё равно каждый раз этому удивлялся <…> Полив цветы, Нега аккуратно, двумя пальцами пожимал цветам их пухлые или тонкие зелёные, шершавые лапы, что-то шепча» [5, с. 141]. Этот эпизод вызывает невольную ассоциацию не только с романом «Мать», но и с пьесой «Васса Железнова», где Васса – человек с мрачным мироощущением и жёстким харак-

тером – очень любит сад и как будто отдыхает душой, заботясь о нём.

Говоря о сходных психологических типах в романах М. Горького и З. Прилепина, нельзя не обратиться к образам Ниловны и матери Саши Тишина: в них немало общего. «Мягкая, печальная, покорная» – так описывает М. Горький свою героиню [4, с. 11], и те же эпитеты вполне подходят к героине З. Прилепина. В душах обеих женщин – любовь к сыновьям и страх за них, обе страдают от постоянного предчувствия трагедии, обе ждут от сыновей жалости и понимания. Когда Павла Власова арестовывают во время первомайской демонстрации, то он прощается с матерью, и Ниловна чувствует благодарность сыну за то, что в этот страшный момент он вспоминает о ней. Когда Саша Тишин ласково говорит матери, что лишь она одна в мире всегда его ждёт, то ей становится радостно уже от того, что он вспоминает о её любви к нему (надо заметить, что Саша, в отличие от Павла, всё время старается успокоить мать и убедить её, что ничего страшного с ним не случится). Однако, как отмечает П. Басинский, «Ниловны из матери Саньки не получается» [1, с. 4]. Действительно, не получается, потому что по-разному относятся они к политическим убеждениям сыновей. Правда, если рассматривать «Саньку» в сравнении с началом «Матери», то ситуации практически аналогичны: обе женщины со страхом и тревогой смотрят на деятельность сыновей, но смиряются с ней, так как не в силах повлиять на взгляды детей. Но в дальнейшем Ниловна полностью принимает идеи и поступки Павла, даже если они идут вразрез с её устоявшимися представлениями о морали: когда речь идёт об убийстве Горбова, то ей сначала страшно и совсем не верится в то, что её сын или Находка способны на такое (подозревает она лишь Весовщикова), но потом, после диалога Павла с Андреем (в нём обосновывается правомерность этого шага), она уже не считает убийцу виноватым. В романе З. Прилепина такой духовной эволюции героини нет. Если она не может переубедить сына, то и он не в силах переубедить её. Поэтому взаимоотношения с матерью остаются для Саши Тишина постоянным и, пожалуй, самым серьёзным источником моральных страданий. Мать, как, в принципе, и все его оппоненты в романе, не приемлет насилия, революции, которая приведёт к нарушению моральных норм, к кровопролитию. «Мама, ну они же твари, ты же сама это видишь. Все они. – Я вижу. – Их надо наказывать! – Надо. – Они делают омерзительные вещи изо дня в день. – Сынок, одно дело, когда дурные поступки совершают они. А другое дело – когда их будешь совершать ты» [5, с. 214]. В романе М. Горького есть мысль о том, что Павел Власов мог бы перешагнуть через мать [4, с. 175], но ему не приходится этого делать, писатель избавляет своего героя от такого страшного испытания. В романе З. Прилепина Саше Тишину суждено это испытание пройти. Когда он решается на убийство, а потом на участие в захвате здания администрации, то в моральном смысле он «перешагивает» через мать, хотя это даётся ему дорогой ценой: «Смотрел на неё и думал: «Так много слёз в твоих глазах. Сморгни, мама, это невыносимо». Но так и не сказал ничего» [5, с. 212].

Общность героев М. Горького и З. Прилепина можно увидеть и в том, что они не формулируют какой-либо конкретной социально-политической программы, да и некорректно было бы искать её в художественных произведениях. В «Матери» лишь в речи Павла Власова на суде говорится о конкретном шаге – об отмене частной собственности, а в основном революционеры только рассказывают о своих романтических мечтах: о равенстве, братстве и светлом времени, когда можно будет любоваться людьми и жить без ненависти. В «Саньке» (хотя критика и приписывает ему романтическую пафосность, взятую от романа «Мать» [3, с. 53]) никакой поэтической мечты о светлом будущем читатель не увидит. Зато там много говорится о ненависти к тем, кого герои считают «бесами», враждебными России. Высказываясь о сущности своей борьбы, Саша Тишин в основном утверждает, что любовь к Родине не нуждается в идеологическом обосновании. А его основная социально-политическая установка выглядит так: «Я готов жить при любой власти, если эта власть обеспечивает сохранность территории и воспроизведение населения. Нынешняя власть не обеспечивает» [5, с. 193]. Надо сказать, что горьковских революционеров такая «программа» удивила и разочаровала бы. Царская власть, при которой они жили, вполне обеспечивала сохранность территории и воспроизведение населения, но для павлов власовых это было неизмеримо мало. А сто лет спустя Саша Тишин ставит перед собой задачу добиться хотя бы этого.

Поскольку горьковские герои живут романтическими мечтами, а прилепинские – жёстким восприятием мрачной реальности, получается так, что в «Матери» революционеры борются не столько «против», сколько «за», а в «Саньке», наоборот, в основном «против». Отсюда и ещё одно различие: горьковские герои от своей

борьбы испытывают радость, в их душах рождается светлое чувство, а в душах прилепинских героев преобладают злость и даже ненависть. Находка у М. Горького говорит: «…я всё снесу, всё вытерплю, потому что есть во мне радость, которой никто, ничто, никогда не убьёт. В этой радости – сила!» [4, с. 113]. В героях З. Прилепина есть та же твёрдость, готовность ко всему, но она сопряжена со злостью: «Негатив давно жаждал влезть куда-нибудь, учудить злое нечто<…> Негатив был начисто лишён той юношеской, не всегда разумной романтики и, как был уверен Саша, хорошо представлял, что такое… ну, назовём это – несвобода. Ещё назовём это – лишения» [5, с. 140]. Сам Саша Тишин тоже не боится испытаний, самое тяжёлое для него – это пойти против матери, причинить ей душевную боль, но он делает это, причём именно из-за ненависти: он, решаясь на убийство судьи, вспоминает Негатива, осуждённого на 15 лет, и в нём ещё сильнее закипает ненависть к тому, кто цинично выносит незаконные приговоры.

О героях обоих романов можно сказать блоковскими словами: «Ко всему готовы, ничего не жаль…» [7, с. 242]. Ими руководят разные чувства, но их объединяет полная и бескомпромиссная уверенность в собственной правоте. Ниловна в начале романа «Мать» ещё с некоторой опаской воспринимает резкие и решительные высказывания сына: «– Так ли, Паша? – Так! – отвечал он твёрдо и крепко» [4, с. 16]. В «Саньке» один из политических оппонентов говорит Саше Тишину: «Тебе хочется, как в детстве, быть ни в чём не виноватым», а тот отвечает: «Хочется. И я во всём прав» [5, с. 268]. Этот герой всегда делает то, что считает нужным, и он уверен в своей правоте настолько искренне, что ему даже «удивительно, что другие не ведут себя таким же образом» [5, с. 114]. Он, например, видит в современной ему государственной политике глупость, подлость и предательство [5, с. 114], он не собирается этого терпеть и искренне не понимает, почему окружающие готовы терпеть. Точно так же Находка у М. Горького ясно видит причины социальной несправедливости: «Это так хорошо видно, что даже смешно» [4, с. 89]. «Смешно», что другие этого не видят и не хотят понять. И у Павла Власова, и у Николая Весовщикова, и вообще у всех горьковских революционеров есть это ощущение ясно осознанной жизненной правды, и таково было ощущение автора на тот момент. Не случайно М. Горький не показывает ни одного идеологического противника большевиков, который излагал бы хоть какие-то весомые аргументы против их убеждений. З. Прилепин, в отличие от предшественника, предоставляет слово политическим оппонентам «Союза созидающих»: Безлётову , Лёве, Аркадию Сергеевичу. Их основной аргумент сводится к тому, что революционная деятельность чревата кровопролитием, что Россия не выдержит ещё одной «ломки». Однако Саша Тишин этого аргумента не принимает[1]. Вероятно, не приняли бы и герои «Матери»: «… каждая капля их [врагов революции – *О.С.*] крови заранее омыта озёрами народных слёз…» [4, с. 103]. Это слова Находки, им вторит и автор: «Итак – началась русская революция, мой друг, – писал он Е.П. Пешковой, – с чем тебя искренно и серьёзно поздравляю. Убитые – да не смущают – история перекрашивается в новые цвета только кровью» [8, с. 181]. П. Басинский, цитируя в своей книге данное письмо, отмечает, что эти строки страшны. Действительно, они производят угнетающее впечатление, но нельзя забывать, что для М. Горького вопрос о революционном насилии был сложным и далеко не таким однозначным, как вроде бы явствует из приведённой выше цитаты. При создании романа «Мать» писатель осмысливал эту проблему как одну из центральных; она связана в основном с образами Павла Власова, Андрея Находки и Ниловны. Когда происходит убийство Горбова, то Павел высказывает мысль о том, что убивать жалкого и слабого человека – это противно, Находка же морально обосновывает право на убийство ради революции, ради товарищей, ради будущего всеобщего счастья. Его пафосная речь заключает в себе своего рода теорию «крови по совести», если использовать «терминологию» Раскольникова: главный герой «Преступления и наказания» тоже полагал, что жизнь процентщицы не слишком большая плата за будущее благо человечества. Мысль Раскольникова о великой цели, оправдывающей любые средства, потом нашла наиболее полное и концентрированное воплощение в другом романе Ф.М. Достоевского – «Братья Карамазовы», а именно в «Легенде о великом инквизиторе». Её герой реализует утилитарную этическую идею: нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего количества людей. «Источник её – тот же инстинкт сострадания, и цель та же, что в христианской этике, – счастье «ближних», причём максимально возможного их числа, но средства достижения цели могут быть противоположными христианским, даже такими, которые эта этика принципиально исключает из своего арсенала» [9, с. 21]. Это противоречие между целью и средствами становится источником

моральных страданий и для великого инквизитора, и для Раскольникова. Такие же нравственные муки испытывает Андрей Находка у М. Горького. Он вроде бы очень убедительно доказывает Павлу, что можно взять на душу грех ради великого дела, и Власов принимает его аргументы, принимает их даже Ниловна, человек религиозный. Она впоследствии говорит: «Знаю – грешно убить человека, – а не считаю никого виноватым» [4, с. 120]. Но сам Находка всё же чувствует то болезненное противоречие, при котором «ум с сердцем не в ладу». Он со слезами признаётся, что видел, как происходило убийство доносчика, но не остановил убийцу, и это бездействие он считает преступлением, «поганым пятном» на своей душе. Находка может рационально и логично доказать правомерность антиморального поступка ради высокой цели, но это не отменяет нравственного чувства – совести: «Справедливо, но не утешает!» – несколько раз на протяжении романа повторяет Находка. По воспоминаниям Н. Валентинова, М. Горький говорил о своём романе: «Оправдание террора, убийств, казни во время революции – ведь это же большущая моральная проблема, ведь нельзя же легко уйти от мысли не пачкать убийством священное дело»[2] .

По первому впечатлению кажется, что для автора и героев романа «Санькя» не слишком важна та «большущая моральная проблема», которая так волновала Ф.М. Достоевского и М. Горького. Возможно, нравственные категории и ценность человеческой жизни серьёзно девальвировались со времён классиков? В книге З. Прилепина «союзники» не ведут таких философско-этических споров, как братья Карамазовы или Павел Власов и Андрей Находка, тоже называющие себя братьями (Саша Тишин и его товарищи, кстати, вообще не спорят друг с другом). Но тем не менее нравственный аспект переделки мира «по новому штату» в романе «Санькя» затронут – он «затушёван» и не так уж ярко выражен лишь на первый взгляд. Особенно важным с этой точки зрения является эпизод, где Саша Тишин принимает решение об убийстве латвийского судьи, который обрёк на незаслуженные страдания многих, в том числе Негатива, приговорив его к пятнадцати годам заключения за терроризм, хотя граната, которой он угрожал охранникам рижской смотровой башни, была муляжной. Мать Саши Тишина, чувствуя, что может произойти какая-то трагедия, высказывает опасения, а он, как обычно, собирается успокоить её утешающей ложью (как поступал ещё один горьковский герой – Лука, а ещё раньше – его литературный предшественник – великий инквизитор, лгавший людям во имя их благополучия). Однако герой вдруг чувствует, что не может это сделать, что это слишком тяжело: «Саша хотел было ответить, что не собирается совершать дурных поступков, но осёкся, махнул рукой и быстро вышел. Пока он шёл до своей комнаты, повторял бездумно: «Ничего не хочу знать, ничего не хочу знать». Упал на кровать. Вспомнил Негатива <…> «Ненавижу…» – сказал, хотел ещё при этом ударить рукой по стене, но не стал. И так было ясно, что – ненавидит и – не передумает» [5, с. 214–215]. Мать, при всех своих опасениях, ещё верит, что её сын не может сделать чего-либо страшного. «А он может. И хочет» [5, с. 212]. Перед нами человек, который идет на убийство, и вроде бы он не испытывает раскольниковских колебаний. Но его краткий и категоричный внутренний монолог уже свидетельствует о том, что есть тот противоречащий доводам разума и ненависти «голос сердца», который герой отвергает и заглушает. А значит, в Саше Тишине (как в Раскольникове, в великом инквизиторе, в Андрее Находке) натура восстаёт против идеи. Стоит отметить, что и у Ф.М. Достоевского, и у М. Горького, и у З. Прилепина герои идут против натуры во имя идеи[3], что порождает их нравственные страдания. Раскольников начинает мучиться ещё до убийства, но всё же решается на него. О великом инквизиторе Иван Карамазов, автор «Легенды», говорит: «Поцелуй [Христа – *О.С.*] горит на его сердце, но старик остаётся в прежней идее» [10, с. 330]. Андрей Находка повторяет: «Справедливо, но не утешает!» [4, с. 89]. Саша Тишин старается не думать об аргументах матери, которая боится, что он совершит зло. Он не хочет даже пропустить эти аргументы в собственное сознание, как бы ставит перед ними преграду, так как чувствует, что они могут выявить и оживить тот внутренний конфликт в его душе, которого он сам не желает увидеть и признать. Его «не хочу ничего знать» не менее красноречиво, чем эмоциональные рассуждения горьковского Находки. В «Матери» герои выражают свои чувства прямо, словесно – в «Саньке» герой, наоборот, скрывает их за упрямой решимостью, но в этом, может быть, даже больше психологической правды. В Риге, готовясь к убийству, Саша Тишин вновь старается ни о чём не думать, «словно это уже вне его воли и вне его власти – как приговор» [5, с. 241]. Герой как будто не колеблется, чувствует свою правоту, но в то же время его выдаёт слово «приговор». Приговорён к смерти судья, перешедший все границы морали, но в опреде-

лённом смысле приговорён и Саша Тишин – к тому, чтобы стать убийцей. Правда, причудливая судьба как бы откладывает исполнение приговора по отношению к Саше: пока ему не суждено нарушить заповедь «не убий».

После гибели судьи главный герой думает о том, стоит ли рассказать младшему брату Негатива о свершившейся мести, но так и не решается на это: «И что Позику, доброму Позику придётся как-то реагировать? Что ему, радоваться, хохотать?» [5, с. 257]. Подсознательно Саша Тишин приходит к выводу, который ста годами ранее сформулировал Андрей Находка: даже если месть **справедлива**, она не может **утешить**.

Вообще, на протяжении романа «союзники» никого не убивают; даже когда начинается захват города, они не стреляют в милиционеров. Саша Тишин в финальном эпизоде выталкивает из окна Безлётова, чтобы тот не стал случайной жертвой во время штурма здания; кто-то из «союзников» накидывает тёплую одежду на плечи женщине-милиционеру. Герои не намереваются специально кого-либо калечить и убивать, но, в принципе, допускают такую возможность, ведь оружие, которое они захватывают, вовсе не «муляжное», как та граната, которую использовали при захвате смотровой башни в Риге. В одном из финальных эпизодов Саша Тишин обсуждает с Олегом правомерность их действий, и Олег говорит: «Если бы мы не взяли это оружие – нас убили бы из него же, но безоружных. Притом, что мы – правы. А они – нет» [5, с. 365]. Может быть, Саше Тишину и хотелось бы обойтись без жертв, но это уже невозможно. Героям и М. Горького, и З. Прилепина сложно «уйти от мысли не пачкать убийством священное дело», но им приходится это сделать: революция не обходится без крови. Герои обоих романов сами становятся жертвами власть имущих, и они считают, что это даёт им право тоже применять насилие, но тогда что же отличает противников друг от друга? И Павел Власов, и Саша Тишин ответили бы, что они действуют более правомерно, потому что отстаивают справедливость, т.е. что их цель является более нравственной, чем цели их противников, а средства могут быть и сходными, – словом, эти герои действуют по принципу (образно сформулированному одним из солженицынских персонажей) «волкодав – прав, людоед – нет». Павел Власов отмечает и ещё одно отличие: «Видишь разницу между нами и ими – ударил человек [Находка ударил Горбова – *О.С.*], и ему противно, стыдно, больно. Противно, главное! А те – убивают тысячами, спокойно…» [4, с. 120]. Ни один из героев «Саньки» не мог бы с чистой совестью сказать, что ему противно ударить врага: такого чувства они не испытывают, но спокойно пойти на убийство – это и для них (во всяком случае, для Саши Тишина) невозможно.

Вопрос о внутреннем конфликте в душах героев, о моральных страданиях прямо связан с проблемой жертвенности. В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского великий инквизитор является фигурой трагической: он творит зло ради добра (как он его понимает) и в этом смысле сознательно идёт на нравственные страдания. В «Преступлении и наказании» Раскольников обрекает себя на муки совести, ведь ещё до убийства ясно, каких страданий будет стоить ему преступление, но он решается на убийство, так как видит в нём первый шаг к благой цели. Находка в романе М. Горького говорит, что даже отдать жизнь за общее дело – это гораздо проще, чем пожертвовать чистой совестью, но нужно отдать **всё**, чтобы твоя правда победила [4, с. 117]. В книге З. Прилепина Саша Тишин говорит Безлётову: «Такие, как ты, спасаются, поедая Россию, а такие, как я, – поедая собственную душу. Россию питают души её сыновей – ими она живёт. Не праведниками живёт, а прóклятыми. Я её сын, пусть и прóклятый» [5, с. 363]. Он прекрасно понимает, что готовность пролить чужую кровь делает его «прóклятым», но он полагает, что это единственный путь к тому, чтобы сохранить свою страну, поэтому может пожертвовать своей душой и готов быть «прóклятым». Знаменательно, что у Ф.М. Достоевского великий инквизитор тоже говорит о том, что он принимает на себя проклятие ради счастья (как он его понимает) миллионов людей, «многочисленных, как песок морской». Все упомянутые герои преступают моральные нормы, и все они при этом жертвуют чувством душевного спокойствия и моральной чистоты ради того дела, которое представляется им справедливым.

Романы М. Горького и З. Прилепина отразили свои эпохи, писатели сказали каждый своё слово о «героях времени». Трудно себе представить, чтобы «союзники» с такой же щепетильностью, как Павел Власов, рассуждали об отношениях мужчины и женщины или отказались от водки и мата; фантастично и даже несколько забавно было бы вообразить, что Павел или Находка грабят человека, как это делает Саша Тишин; на фоне изображённых в «Саньке» представителей «силовых ведомств» выглядят наивными интеллигентами горьковские жандармы, которые при обыске квартиры Вла-

совых бросают на пол книги, но потом аккуратно поднимают их, услышав замечание Весовщикова… Всё говорит о том, что Захар Прилепин видит свою эпоху в гораздо более жестоком и натуралистически грубом обличье, чем мечтатель и романтик Максим Горький. И всё же эти произведения доказывают, что обе эпохи породили сходные психологические типы, одни и те же нравственно-философские вопросы и пути их решения. А что касается диалектики добра и зла в душах тех, кто стремится переделать мир «по новому штату», то эта проблема вообще имеет вневременной характер, что доказывает сопоставление произведений Ф.М. Достоевского, художника Х1Х века, и М. Горького, писателя ХХ века, и З. Прилепина, представителя литературы ХХ1 века.

В.И. Ленин назвал роман «Мать» «очень своевременной книгой», имея в виду, что он мог повлиять на сознание рабочих и вовлечь их в революционное движение. Роман «Санькя», пожалуй, тоже «очень своевременная книга», но по иной причине: независимо от субъективных задач автора, у него получился роман-предупреждение для нашего общества, и к этому предупреждению пока ещё не поздно прислушаться.

Примечания

1. Саша Тишин уверен, что спасти Россию и вернуть ей чувство собственного достоинства и справедливость способна лишь новая революция, которая представляется ему неизбежной. В связи с этим особенно интересен образ деревенского пляжа, который в контексте произведения воспринимается как символ «больной» России. Саша, видя заросший некрасивыми лопухами пляж, с горечью вспоминает, каким он был раньше (этот эпизод символически соотносится с другим, где Саша рассматривает давние фотографии, запечатлевшие прошлое). Герой, стремясь очистить это место, срывает лопухи, убирает сорняки, которые уродовали землю. Это действительно делает пляж чище, но не возвращает ему прежней красоты: «Пляж будто бы переболел какой-то заразой, оспой – и лежал неприветливый, весь в метинах и щербинах» [5, с. 57]. Приведённый эпизод выглядит как иносказание, свидетельствующее о невозвратимости прошлого в его исконном облике.

2. Цит. по: С.И.Сухих. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород: ООО «Поволжье», 2007. 216 с. С. 46.

3. Саша Тишин говорит, что для любви к матери или к Родине не нужно идей и идеологий, но мысль о том, что нужно сохранить Россию, «вернуть себе Родину» – это уже идея, если под этим словом подразумевать не политическую программу, а просто любую мысль, осознанно проводимую в жизнь.

Список литературы

1. Басинский П.В. Новый Горький явился // Российская газета. 2006. 15.05. № 21. С. 4.

2. Данилкин Л. «Мать» без электричества // Афиша. 2006. 05.04. С. 3–4.

3. Костырко С. По кругу // Новый мир. 2006. № 10. С. 52–55.

4. Горький М. Мать // М. Горький. Собр. соч.: В 16 т. М.: Правда, 1979. Т. 4. 399 с.

5. Прилепин З. Санькя. М.: Ad Marginem, 2006. 368 с.

6. Сычёва Л. Не будет гнева – и не будет страха // Литературная Россия. 2008. 4 июля. С. 8–9.

7. Блок А.А. Двенадцать // А.А. Блок. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1971. Т. 3. 414 с.

8. Басинский П.В. Горький. М.: Молодая гвардия, 2005. 451 с.

9. Сухих О.С. Горький и Достоевский: продолжение «Легенды…». Н. Новгород: КитИздат, 1999. 143 с.

10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский Собр. соч.: В 10 т. М.: Государственное изд-во худ. лит., 1958. Т. 9. 635 с.

«VERY TIMELY BOOKS» (ABOUT THE TRADITIONS OF GORKY AND DOSTOEVSKY IN THE NOVEL BY ZAKHAR PRILEPIN «SANKYA»)

O.S. Sukhikh

The author examines the image of the main character and the philosophical-ethical problems of the novel ‘Sankya’ by Zakhar Prilepin. Some parallels are drawn between this book and some works by Gorky and Dostoevsky. Some aesthetic interrelations between the works of these authors are found with regard to their characters and problems.